

К. Ю. Бардола

Оптимизация или противодействие? Некоторые особенности отношений между властью и византийскими налогоплательщиками в IV—XI вв.

В историографии достаточно популярна тема византийского налогообложения. Не все проблемы в этой теме освещены равномерно, многие дискуссии так и остались незавершенными, но в целом, без особых затруднений можно найти не один десяток работ, как крупных монографий, так и специальных статей, посвященных особенностям взимания налогов в Византии. Однако есть одно направление, которое, как ни странно, практически не разрабатывается византинистами. Это тем более удивительно, что проблема эта лежит в поле социальных отношений, активно изучаемых во второй половине XX в., в особенности советской историографией. Речь идет об отношении населения Византии к налоговому бремени. Иными словами, остался без удовлетворительного ответа вопрос: как византийцы относились к налогам? Вернее, этот вопрос никогда всерьез и не рассматривался, вероятно, потому, что ответ напрашивался сам собой. Разумеется, византийцы относились к налогам плохо. Аксиома, которая вроде бы и не требует доказательств. Действительно, если под налогом понимать регулярный, обязательный (принудительный) платеж в установленном размере, в истории мы практически не найдем благожелательного к нему отношения, и византийцы в этом плане — не исключение. Отношение римлян к налоговым тяготам было традиционно отрицательным. Для данного исследования основной интерес представляют причины и степень отрицания, в чем это выражалось индивидуально и как проявлялось в массе. Такие вопросы, насколько нам известно, исследователи обходят стороной, и, это является явным упущением. Конечно, эта тема может и должна быть рассмотрена более глубоко, мы же в формате научной статьи попытаемся наметить те ее направления, которые, на наш взгляд, требуют более пристального внимания.

1. Антиналоговые восстания

Чаще всего реакцию населения в Византии на податной гнет исследователи связывают с открытой формой протеста радикального характера — восстанием. Такая позиция во многом связана с характерной особенностью этой формы протеста. Средневековые хроники, как правило, не обходят вниманием такие события, поскольку своей масштабностью и активностью участников они затрагивали ход жизни всех слоев населения, и непосредственно самих хронистов. В этом плане у исследователей может появиться соблазн сделать вывод, что это была основная форма протеста против налогового давления, и что все массовые выступления, которые так или иначе были связаны с недовольством налогоплательщиков, относятся к антиналоговым восстаниям [1, 2, 3, 4]. По нашему мнению, подобные выводы можно делать с оговорками, а общий массив такого рода восстаний требует определенной типологизации.

Все восстания, где участники, так или иначе, проявили недовольство византийским налогообложением, условно можно разделить на три группы.

К первому типу можно отнести восстания, которые не были вызваны непосредственно налоговым бременем, но при этом восставшие проявляли враждебность по отношению к элементам византийской налоговой системы. Подобная группа — довольно многочисленная и примеров для нее можно привести множество [5, р. 407; 6; 7. XXIV; 8; 9, р. 610–612; 10, VIII. 9–10; 11, с. 58–68]. В этих случаях прямые причины к массовым выступлениям были не связаны с фискальным давлением, но народный гнев затронул представителей налоговых ведомств. Несмотря на разные поводы к выступлениям и несхожую налоговую политику императоров, недовольные участники выступлений независимо от эпохи не оставляли «без внимания» руководителей налогового ведомства, будь то Марин Сириец, Иоанн Кападокийский, Константин Ларди или «Пафлагонцы» в 1024 г. И все же, несмотря на то, что эти восстания и затрагивали представителей налогового ведомства, они вряд ли могут рассматриваться как антиналоговые выступления.

К другой группе можно отнести выступления, которые ближе всего подходят к определению «антиналоговых». Непосредственным поводом для подобных восстаний обычно служило введение новых налогов, злоупотребления местных налоговых чиновников или экстраординарное налогообложение со стороны государства [8]. Причины таких восстаний могли быть разнообразными, но обычно исследователи говорят о «несправедливом» налогообложении. Тезис о наличии у византийцев представления о «справедливом» налогообложении выдвинул И. Караяннопулос, и это мнение активно поддерживается в историографии до наших дней [14]. Действительно, многие византийские авторы довольно часто использовали определения «справедливый-несправедливый» по отношению к налогообложению. Но все же маловероятно, что у императоров существовала некая общая «теория налогов», тем более признанная основными слоями византийского общества, как это предположил В. В. Серов [15, 16, 17]. Уж больно разные представления о том, каким должно быть налогообложение, были у отдельных императоров, их министров и обычных налогоплательщиков. Справедливости ради отметим, что именно В. В. Серов провел наиболее глубокий анализ представлений различных представителей позднеимперского и ранневизантийского общества о том, каким должно быть идеальное налогообложение. В действительности можно признать некое единство мнений византийских историков, риториков и юристов, но только в двух основных положениях: налоги, в принципе, необходимы для государства, и они должны быть «справедливыми». Но определение подобной «справедливости» у византийцев было весьма аморфное, субъективное и зависящее от разных нюансов системы налогообложения и всевозможных обстоятельств. Функционирование налоговой системы, независимо от эпохи, сильно зависит от многочисленных субъективных факторов. Поэтому трудно придумать стройную «справедливую» теорию налогов, которая будет удачно доказана практикой даже в наше время, не говоря уже об условиях, в которых жили римляне. Так, ни современники той эпохи, ни последующие ее исследователи не могут определить хотя бы границ, в которых можно оперировать термином «справедливое налогообложение». Соразмерность обложения с доходами граждан, «обычность», то есть «привычность» налогов, понимание общественной необходимости дополнительных расходов, — все эти условия, конечно, влияли на отношения налогоплательщиков к процессу обложения, но часто не были определяющими факторами для окончательного отношения к податному бремени. Зачастую «справедливое налогообложение» обозначало лишь то, что население готово без дополнительного давления вносить платежи налогов, то есть определялось уже по факту. Поэтому так часто византийские авторы связывали «справедливость» налогообложения непосредственно с личностью императора, и это было не просто данью панегирическому стилю изложения. Действительно, император должен был «чувствовать»

общие настроения в обществе, чтобы налогообложение не вызывало подобные протесты. Хотя, конечно, нельзя отбрасывать в сторону и влияние последовательности в осуществлении основных налоговых принципов, устанавливаемых тем или иным византийским правительством.

Характерный пример последствий ошибочной налоговой практики — восстание в Антиохии 387 г. [18, V. 20; 19, IV. 41; 20, XIX—XXIV]. Обложение «коронным золотом» на юбилейный десятый год правления было вполне «справедливым» по разумению императорской власти, так как было «привычным» и обоснованным необходимыми расходами, что собственно признает и сам Либаний [20, XIX]. Тем не менее, оно вызвало негодование сначала среди куриалов, а потом и среди плебса. Причины подобного недовольства могло быть несколько. Исследователи, вслед за Либанием, признают, что за год до этого население Антиохии с большим трудом смогло справиться с предыдущими платежами по хрисаргиру [21]. Реакция народных масс после переговоров их с куриалами свидетельствует о том, что последние предполагали переложить этот налог именно на плечи торгово-ремесленного населения. Не случайно император Феодосий через несколько месяцев после восстания издал указ, что ««коронное золото» должно быть возвращено тем, у кого было взято незаконно» (Cod. Theod. XII, 13. 6). Что касается суммы обложения, то вряд ли эта сумма была очень большой. На следующее десятилетие своего правления Феодосий получил 600 солидов от антиохийского муниципалитета и был благодарен за это (Cod. Theod. XII. 1. 169). Платеж в 600 солидов, или 1 солид с каждого члена муниципалитета (в Антиохии их было 600), довольно многочисленного и богатого города, раз в десять лет не кажется столь уж крупной суммой и, в любом случае, соразмерной благосостоянию жителей. Но так сложились обстоятельства в 387 г. Достаточно острая религиозная и политическая обстановка в городе накануне подготовила население к выражению недовольства и, вероятно, более крупной, чем ожидалось, сумма дополнительного обложения всколыхнула население.

Надо отметить, что подобных восстаний, когда участники выступали непосредственно против непродуманной налоговой политики или злоупотреблений налоговых чиновников, было не много. Византийское правительство обычно стремилось избежать двойного, дополнительного или неожиданного, «внезапного» обложения. Конечно, не всегда это удавалось, особенно в ранней Византии, так как налоговая система в этот период только формировалась, а государственные расходы всегда были приоритетнее доходов. Но в целом византийцы были готовы платить заранее установленные и «понятные» для них налоги, по крайней мере, если они ощущали себя постоянными и полноценными членами византийского общества.

Третья группа выступлений включает самые многочисленные проявления массового недовольства византийским налогообложением, связанные в первую очередь с центробежными устремлениями, со своего рода антиимперскими амбициями налогоплательщиков. Как правило, его проявляли представители вновь присоединенных к империи народов или государств, которые византийское правительство пыталось включить в единую систему налогообложения. В этом случае резкая коррекция суммы и правил налогообложения соединялись с изменением социального статуса налогоплательщика. Новые племена и народы должны были подчиниться не только византийскому императору, но и его налоговым чиновникам, что, по их мнению, снижало их социальный статус свободных людей. Население этих земель могло быть оскорблено злоупотреблениями чиновников при налогообложении, как это было в 70-х гг. IV в. в Северной Африке, во время восстания Фирма и восстания готов на Дунае в 376 г. [23, с. 16; 13. XXIX, XXXI]. Часто поводом к выступлениям служило введение или восстановление стандартной для остальной Византии системы налогообложения, как это было при Юстиниане I после завоевания государств вандалов в Северной Африке или готов в Италии [24, II, 8.], либо при приемниках императора

Василия Болгаробойца в Болгарии в XI в. [25, с. 269; 26]. Иногда неповиновение центральной власти и отказ от византийского налогообложения был связан с возможностью выбора международного протектора с менее тяжелой системой налогообложения. Такое поведение было зафиксировано источниками в Армении в середине VII и начале VIII вв. [27, с. 152; 28, с. 253], когда восставшие армяне переходили под защиту арабского Халифата.

Итак, как мы видим, открытое массовое недовольство исключительно податным гнетом византийцы проявляли не так уж часто. Существовавшее нежелание платить налоги часто было лишь дополнительным импульсом в социальных, политических, религиозных и освободительных всплесках радикальной активности населения Византии. Конечно византийцы в основной массе относились к налогам как к «злу», но «злу неизбежному», по крайней мере, в границах империи. Поэтому, если они и стремились к уменьшению налогового давления, то в основном пытались это сделать «мирными» способами, используя несовершенство налоговой системы Византии. И таких способов было немало.

2. Мирные способы уменьшить бремя налогообложения.

Петиции и жалобы

Если говорить о мирных способах проявлении массового недовольства населения тяготами налогообложения, то основными из них были всевозможные жалобы, официальные и неофициальные хлопоты, просьбы, петиции. Это был очень популярный и весьма действенный, по крайней мере, до определенного времени, способ снижения налогового бремени. Правда, надо сказать, что его эффективность во многом зависела от различных факторов. Естественно, каждый налогоплательщик имел право отстаивать свои права в судебном порядке, на чем зачастую настаивали в своих конституциях сами императоры. Кодексы Феодосия и Юстиниана советуют налогоплательщикам, которые имеют претензии к деятельности налоговых чиновников, обращаться в суд (Cod. Theod, XIII. 10). С другой стороны, императоры предупреждали самих чиновников о готовности судиться с налогоплательщиками. Вероятность того, что крестьянин или ремесленник как непосредственный налогоплательщик сможет отстоять свои права была невелика. Поэтому законодательство IV—VI вв. часто упоминает представителей или «защитников» интересов налогоплательщиков в суде. Ситуация осложнялась для истца тем, что время подачи иска было ограниченным — от 5 месяцев до года (Cod. Theod, XIII. 10. 5).

Вероятно, не особо доверяя суду, налогоплательщики часто предпочитали другой путь, который предполагал не подачу иска и судебные разбирательства, а жалобы и петиции высшим чиновникам и императору лично. Но и в этом случае процедура была не простой. Не каждому налогоплательщику удавалось самостоятельно доставить свою жалобу по адресу. Для этого недовольные объединялись и выбирали специальных посланцев, как правило, людей известных и авторитетных, то есть тех, кто имел больше шансов попасть на прием к налоговым руководителям или императору. Часто подобными делегатами были представители Церкви: священники, богословы или известные монахи. Их авторитет позволял рассчитывать на положительное решение вопроса [30, 1333; 31, III. 54, 7220, XIX]. Можно предположить, что подобных просителей было немало, поэтому при императорах, начиная с Юлиана, существовали специализированные чиновники, «референдарии», которые были ответственны за передачу императору подобных жалоб и прошений [13, XXII, 6; 29, I. 50. 2; 34, XIV]. Считается, что количество «референдариев» после правления императора Юстиниана сократилось, а после 600 г. упоминания о них и вовсе исчезли из источников. Правда, известны две печати референдариев, датируемые VIII в., но мы не имеем точной информации об их функциональных обязанностях [35; 36; 37]. Так или иначе,

после правления императора Юстиниана I упоминаний о жалобах и прошениях стало гораздо меньше, и это было связано с унификацией налоговой системы и ликвидацией основных льгот при налогообложении.

В очередной раз ситуация изменилась к началу X в. Жалобы и прошения опять стали регулярными параллельно с постепенным восстановлением и дальнейшим развитием системы льгот и иммунитета. И в этот период успех петиций во многом зависел от личности просителя, который должен был быть близок к особе императора или обладать несомненным авторитетом, предпочтительнее церковным. Известны случаи успешного разрешения просьб по вопросу предоставления налоговых облегчений при участии Николая Мистика, Михаила Атталиата и Михаила Пселла, афинского митрополита Михаила Аккомината [38, Epist.CL; 39, p. 539; 40, p. 136; 41, p. 377, 380–381].

3. Недоимки

Недоимки, как задержку выплаты налогового платежа населением в установленные сроки, тоже можно отнести к мирным способам византийцев избежать, или, по крайней мере, уменьшить бремя налогов. Обычно недоимки исследователи объясняют следствием тяжелого экономического состояния общества, иногда упоминая неэффективность налоговой системы. Но следует учитывать, что недоимки могли быть также следствием массового саботажа, своего рода «молчаливым» протестом против налогового давления со стороны властей. Решить эту проблему византийским императорам было достаточно сложно. Во-первых, не было эффективного механизма сбора недоимок. Дело в том, что расходы при взимании налоговых долгов довольно высоки и часто превышают доходы от их сборов. В этом плане василевсам могла бы помочь практика налогового откупа, но методы откупщиков остро осуждались в обществе. Вероятно, поэтому византийскими императорами IV—V вв. активно использовалась практика списания, или «прощения» налоговых задолженностей. Так как эти послабления не были составной частью налоговой реформы, а обычно являлась лишь популистской мерой, то об их эффективности можно говорить лишь в краткосрочной перспективе. Практически каждый император прощал налоговые задолженности, накопленные до его правления, чем на деле убеждал налогоплательщиков, что после его смерти ситуация повторится. Поэтому не следует связывать рост недоимок напрямую с увеличением податного бремени или ухудшением экономического положения налогоплательщиков. Исследователи экономической истории уже отмечали, используя статистические данные более поздних периодов, что для крестьянских общин характерен рост недоимок как раз как результат снижения налоговой нагрузки [42, с. 4–7]. Выходит, в крестьянском сознании прощение недоимок или снижение налогового бремени могло означать надежду на дальнейшее облегчение налоговых ставок. Таким образом, это подталкивало их к позиции упорного выжидания. Менталитет крестьянских общин не сильно менялся в течение веков, и алгоритм их поведения оставался идентичным. В любом случае, вплоть до VI в. проблема недоимок в Византии не была решена ни в результате списания прошлых долгов, ни посредством жесткого их взимания, как это было при императоре Валенте (364–378) [43]. Эта же проблема была присуща налогообложению торгово-ремесленного населения [20, XXXII, 33]. Императоры не располагали многочисленным арсеналом законных способов принуждения налогоплательщиков к выплате недоимок. Конфискация лавки мастерской у ремесленника или земли у крестьянина не представлялось правительству эффективным средством, так как в этом случае уменьшалась непосредственная база для последующего налогообложения. Да и реализовать это сомнительное «богатство» было достаточно трудно, тем более в короткий срок. Поэтому чиновники прибегали к уголовному наказанию или физическому воздействию, что в результате тоже дава-

ло мало проку [20, XXXII.33;13, XXII.14.23]. Таким образом, проблему с недоимками можно было решить только последовательно и постепенно, чтобы налогоплательщики могли привыкнуть к мысли о неизбежности выплаты всей суммы налога. Для этого нужна была непреклонная воля императора, при условии достаточной продолжительности его правления, что случалось крайне редко.

4. Махинации с собственностью

На протяжении IV в. в налоговой системе Империи происходили постепенные изменения. Основой для налогообложения в результате цензовой описи определялся не только и не столько социальный статус налогоплательщика, а в большей степени его имущественное положение. Налогообложение постепенно становилось подоходным. Уже в конце III в. базой для основного государственного налога-расхода — аноны (аннопа) стала продуктивная земля. Ставка обложения зависела от качества земли, т. е. от ее потенциального плодородия, и часто от количества работающих на ней земледельцев [47]. Затем при императоре Константине Великом и его преемниках обложению стали подвергаться налогоплательщики, которые такой земли не имели, но доход все-таки получали — речь идет о торгово-ремесленном населении. Подоходный налог хрисаргир, а также налоги с торгового оборота (таможенные пошлины и налоги с продаж) в свою очередь стали важным источником доходов государственной казны [48]. Даже размеры платежей по прежнему сословным налоговым взносам, наподобие «поземельного взноса» *collatio glebalis* с сенаторов или «коронного золота» *aurum согonatio* с представителей городских курий со временем стали зависеть от количества собственности, которой обладал налогоплательщик. Привязка налогового платежа к размерам собственности, несомненно, сделала налоговую систему Византии более эффективной и равномерной, но в то же время для подданных появились новые возможности уменьшить податное бремя.

Наиболее простой способ осуществить это заключался в изменении оценочной стоимости земли, а именно, в искусственном занижении ее видимой продуктивности (Cod. Theod. XIII.11.1). Многие зависело от чиновника, который на месте мог принимать решение о продуктивности земли и о наличии преступных целей ее владельца. Можно предположить, что подобная зависимость от мнения чиновника и была главным сдерживающим фактором для такого рода махинаций, по крайней мере, у тех налогоплательщиков, которые не решались войти в сговор. В любом случае, этот закон показывает одно из слабых мест налоговой системы *iugatio-capitatio*, которой могли пользоваться недобросовестные налогоплательщики. Цензовая перепись проводилась раз в 15–20 лет, и, уже одно это обстоятельство позволяло осуществлять недобросовестные операции со статусом продуктивности земли. Например, налогоплательщик незадолго до подобного рода оценки мог сознательно снизить продуктивность земли, а после проверки — вернуться на прежний уровень доходности. Такого срока при определенных условиях для подобной операции вполне хватало. Если нет, то земледельцам часто приходилось искать другие способы оптимизации налогообложения. Речь идет в первую очередь о практике «пустующих земель». Обрабатывая земли, заброшенные и, таким образом, изначально не подверженные обложению, налогоплательщик мог увеличить доходность своего имения, не выплачивая за это налоги. Однако чаще ситуация была иной. Многие землевладельцы обращались к представителям налоговых органов для того, чтобы те признали заброшенность части их земель и тем самым пытались снизить податное бремя. Источники часто упоминают о пересмотрах земельных кадастров в пользу владельцев земли (Cod. Theod. V.9.11.9; Cod. Just. IV. 3). Правительство пыталось решить эту проблему выставляя, заброшенные земли на аукцион (Cod. Theod. V. 9. 11. 9), но, вероятно, из-за небольшого спроса на подобную землю в источниках конца IV—V вв. нет упоминаний о подобных

распродажах. Так или иначе, но с собственника подобной земли списывали часть предписанного налога. Освободившиеся средства и рабочую силу он мог направить на обработку более продуктивной земли или искать не отягощенную налогом новью. Вероятно, именно по этой причине византийские императоры одним из условий снижения налогового бремени ставили пересмотр продуктивности всей земли во всех владениях заявителя. Как говорит об этом конституция 417 г. императоров Гонория и Феодосия, заявитель был «обязан допустить инспектора на земли всего владения, так как бремя покинутой земли может распространиться на другие продуктивные земли» (Cod. Theod. XIII.11.15). В случае, если землевладелец все же получал налоговые послабления, предписывалось через определенное время перепроверить класс обрабатываемой земли для «осуществления реальных расчетов» (Cod. Theod. XIII. 11. 17).

Проблема заброшенных земель имела и другую сторону. Сумма обложения по так называемой системе *jugatio* — *capitatio* зависела не только от качества самой земли, но и от количества работников, ее обрабатывающих. И здесь размер налога мог быть также пересмотрен при изменении количества работников. Поэтому при уходе подобных работников (чаще всего колонов) с земли, землевладелец был кровно заинтересован в новой инспекции данного земельного надела. При увеличении числа земледельцев на каком-либо участке устремления владельца были диаметрально противоположные. В IV—V вв. законодательство оставляло лазейку для облегчения доли налогоплательщика. Закон четко постановлял, что за сбежавших колонов налог платить не надо (Cod. Theod. XI.1.7). В результате ромеи часто просили власть пересмотреть оценочную стоимость земли в связи с уменьшением количества земледельцев [49, IV.3; 69, с. 366]. Если же их число увеличивалось, то землевладельцы совсем не спешили заявлять об этом, тем более что очередность новой кадастровой переписи составляла никак не менее 15-и лет. При таких правилах также было выгодно покупать землю без колонов.

Византийские императоры, решая проблему уменьшения поступлений в казну с пустошей, в какой-то мере контролировали процесс массового перемещения земледельцев-колонов, позднее париков. Конечно, уход с земли не был полностью приостановлен. Масштабные кадастровые переписи требовались при массовом опустошении продуктивных угодий после природных катаклизмов, вражеских нашествий, недородов или голода. Подобные действия предпринимались при императорах Никифоре Генике, Василии I, Романе Локапине в X в. [57, с. 417; 58, с. 143; 59, с. 64].

Иногда налогоплательщики для того, чтобы избежать прямого налогообложения могли просто отказаться иметь собственность на территории Империи. Нет собственности — нет налогов. Это прекрасно понимали византийские торговцы, которые стремились селиться в недоступных налоговым чиновникам местностях, как правило, на небольших островах. Так как поголовная подать с племса была отменена, они могли быть подвергнуты только косвенному налогообложению, таможенным пошлинам или налогам с продаж. Такая практика была известна еще в IV—V вв. (Cod. Theod. XIII, 5, 32; 20, XXX, 22) В IX в. с ней попытался бороться василевс Никифор Геник. Во-первых, он обложил поголовной податью население островов, затем выделил торговцам земли для проживания и заставил их взять заем под определенный процент [57, с. 418]. Таким образом, император, который был до этого налоговым руководителем, пытался обложить торговцев налогами, не имея возможности контролировать размеры их собственности. К сожалению, мы не имеем сведений, насколько эта политика оказалась успешной.

В любом случае, в результате несовершенства византийской налоговой системы у налогоплательщика была возможность избежать налогообложения за новую, присоединенную землю (пустошь) или новых присельников. Это приводило к стремлению земледельцев обрабатывать целинные земли и повышать продуктивность уже обрабатываемой земли. С другой стороны, подходящий налог с имущества византийских

торговцев приводил к обратным результатам. Торговцы не были заинтересованы иметь имущество на территории Византии, контролируемой налоговыми чиновниками, и постепенно основные нити внешнеторговой деятельности перешли в руки иностранцев.

5. Махинации с социальным статусом. Патронат

Византийская налоговая система образовывалась в период четкой стратификации различных социальных групп: сенаторы, декурионы, плебс и т. д. Подобная дифференциация проявлялась не только в политической жизни и имущественном состоянии, но и правилах, используемых при налоговом обложении. Достаточно сказать, что первоначально для отдельных социальных групп в позднеримском, а затем и в ранневизантийском обществе существовали разные налоги. Так, сенаторы платили *collatio glebalis*, муниципалы — *argum coronarium*, а торгово-ремесленное население выплачивало *collatio lustralis*. В результате ранневизантийская система налогообложения представляла собой иерархическое налоговое дерево с большим количеством освобождений, льгот и иммунитетов. Сенаторы освобождались от *collatio lustralis*, как, впрочем, и куриалы (Cod. Theod. XIII.1. 3–4). Помимо основных социальных групп, определенными льготами обладали представители некоторых профессий, например, навикуляриев, учителей, риторов (Cod. Theod. XIII.4. 4; 5, 3). Ветераны имели собственные привилегии при налогообложении (Cod. Theod. VII. 20. 2. 1, VII. 20. 3, XIII. 1. 2, VII. 20. 9, XIII. 1. 7, XIII. 1. 14). Сельские торговцы и ремесленники, продающие собственноручно произведенные продукты, также освобождались от *collatio lustralis* (Cod. Theod. XIII.1.3, XIII.1.6, XIII.1.8, XIII.1.10, XIII.1.12, XIII.1.13). Такое количество льгот, иерархия налоговых платежей, особенности обложения разных социальных групп могли подталкивать налогоплательщиков к попыткам использовать свой или чужой социальный статус для оптимизации налогового бремени.

Разумеется, наиболее возможностей для использования выгод своего положения при выплатах налогов было у сенаторов. Многочисленные льготы и высокое положение в обществе, своего рода «неприкасаемость», позволяли с легкостью скрывать свое имущество от налоговых инспекторов. Не случайно, конституция императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия под страхом конфискации запрещала сенаторам утаивать землевладения от налоговой декларации (Cod. Theod VI. 13). Ситуация для налоговой службы осложнялась тем, что сенаторы имели владения в разных частях Империи, и было довольно трудно оценить всю их собственность без их желания. Поэтому центральная власть часто обращалась к ним с требованием сообщать сведения об их владениях во всех провинциях. Введение специальных чиновников для сбора подобных сведений, цензуалов, привело к саботажу платежей, и в результате к недоимкам. Нежелание сенаторов предоставлять цензуалам свои земли для инспекции и заставило императоров отказаться от этой идеи. Обложение земель сенаторов возвращалось в компетенцию куриалов. Однако у сенаторов были свои представители в муниципалитетах, которые защищали их интересы. К тому же куриалы не могли использовать собственных налоговых инспекторов и сборщиков при обложении сенаторских земель (Cod. Theod.VI. 3. 2).

Иногда сенаторы просто отказывались платить налоги на основании заявленной бедности или отсутствия собственности, как бы неправдоподобно это ни звучало. В 383 г. был издан закон, который фиксировал сумму в 2 фоллиса для всех сенаторов, «...даже если они не имеют вообще земельного владения» (Cod. Theod. VI. 2. 13).

Но уже в 393 г. императоры Валентиниан, Феодосий и Аркадий разрешили уменьшить платеж «сенаторского налога» *collatio glebalis* до 7 солидов тем, кто не в состоянии вынести полное бремя этого налога. Если же и после этого сенатор отказывался платить, он должен был отказаться от своего высокого положения (Cod. Theod.VI. 2. 15).

Несомненно, подобные уступки могли означать действительное снижение уровня благосостояния синклитиков. Но, что можно с уверенностью сказать, так это то, что они не способствовали увеличению платежей в бюджет с этой социальной группы. К тому же, от ненавистного налога сенаторов могла освободить государственная служба. Так, закон 414 г. засвидетельствовал императорскую привилегию для тех сенаторов, которые достигли должности проксимата или магистра. Они могли не выплачивать даже 7 солидов из сенаторского сбора (Cod. Theod. VI. 2. 23).

Наконец, нужно отметить, что сенаторам в той или иной местности иногда удавалось получить полное освобождение даже от сенаторского налога. В 384 г. вслед за фракийскими сенаторами освобождение от *collatio glebalis* получили их македонские «коллеги» (Cod. Theod. VI. 2. 14). В 393 г. подобной льготы добились сенаторы Сирии, а в 426 г. сенаторы города Рима (Cod. Theod. VI. 3. 1, 2. 25).

Наличие специального налогового режима позволяло сенаторам маневрировать и использовать его в своих целях. Возможно, многие ромеи, в особенности дельцы и откупщики, желали воспользоваться подобным статусом. Но законом императора Констанция II был закрыт вход в это сословие для обычных торговцев, чеканщиков монеты, таможенных или других чиновников, в общем, тех, кто живет на «позорную прибыль» (Cod. Just. XII.1.6). Поэтому они могли пользоваться освобожденной от налогов землей сенатора только неофициально. Византийским императорам пришлось реагировать на такие случаи: передача патримония без записи в налоговом кадастре считалась незаконной (Cod. Theod. VI.2.18).

С другой стороны, для сенаторов с небольшим годовым доходом мог быть выгодным переход части своей земли в чужие руки с целью уменьшения налоговых платежей. Поэтому в 398 г. был издан закон, по которому утверждалось, что выплаты *collatio glebalis* зависят от земельных владений, а не от личностей (Cod. Theod. VI. 2. 21). Выходит, кто пользовался доходами сенаторских земель, тот и должен был выплачивать этот налог. Но такой подход подтачивал саму сущность сословного обложения. В конце концов, в 450 г. этот налог был отменен, хотя мы не можем сказать, что это было сделано в пользу или во вред сенаторам, так как вероятно, их владения теперь оценивались и облагались на общих основаниях.

Сенаторы были наиболее привилегированным сословием и обладали, пожалуй, самими широкими возможностями оптимизации налогового бремени. Однако налоговые льготы других сословий также открывали путь к злоупотреблениям. Уже император Констанций II в 343 г. (Cod. Theod XVI. 2. 8) освободил от хрисаргира представителей клира лишь при условии, что они не будут покровительствовать иноземцам и торговцам. Вероятно, подобные увещания были неэффективны, и уже в 356 г. льготы остались только у беднейших представителей клира, так называемых «гробокопателей» (Cod. Theod. XIII.1.1). В 379 г. клиру в Италии и Иллирике позволялось не выплачивать хрисаргир, если сумма торгового капитала не превышала 10 солидов, в Галлии — 15 солидов (Cod. Theod. XIII.1.11).

С другой стороны в 369 г. а позже, в 384 г. подобные лимиты были установлены для ветеранов, несмотря на то, что ранее им был дарован полный иммунитет от налогов императором Константином Великим, подтвержденный императором Юлианом (Cod. Theod. XIII.1.7). Таким образом, правительство ограничивало возможности и ветеранов и клира делегировать свои привилегии при осуществлении профессиональной торговой деятельности. На таких же условиях освобождение от хрисаргира получали и куриалы.

Наиболее ярко проблема налоговых льгот проявилась в случае с навикуляриями. Многочисленные законы регламентировали деятельность этой торговой группы, которая получила налоговый иммунитет при условии осуществления так называемой «хлебной» повинности — доставке хлебного (иногда лесного) каравана для общественных нужд Рима и Константинополя. Закон императора Грациана, Валентиниана

и Феодосия показывал озабоченность тем фактом, что навикуляриев используют как ширму для безналоговой торговой деятельности. Вероятно, активное участие в этом процессе осуществляли иудейские и самаритянские купцы, которые незаконным образом попадали в корпорацию навикуляриев, что послужило поводом к судебным разбирательствам в 390 г. (Cod. Theod. XIII.5.18).

В результате практика льгот, которая предоставляла возможности для различных махинаций, отлично вписывалась в систему римского патроната. Проблема этого института активно обсуждалась в византинистике XX в. и мы в формате данной статьи не намерены рассматривать все аспекты этой сложной и интересной темы [61, р. 104; 62, с. 383–393; 63; 64; 65; 66; 67; 68]. Отметим лишь, что, по нашему мнению, было упущено исследователями. Патронат в ранней Византии был двух типов, официальный — когда некое лицо, используя предоставленные законом налоговые привилегии и свой социальный статус, брало под защиту другое лицо, как правило, получая за это вознаграждение. При этом имя патрона было своего рода знаменем, щитом. Оно не скрывалось, но на нем всячески делался акцент. Другой тип патроната — неофициальный, почти всегда связанный с возможностями чиновника, командира или сановника облегчить или наоборот усилить давление на налогоплательщика. Особую популярность патронат приобретает в IV в., с чем согласны практически все исследователи. Однако причину этого надо искать не столько в особенностях аграрного развития, а скорее в нюансах налоговой системы этого периода. Большое количество льготников на фоне усиления основного налогового бремени и растущая роль государственных чиновников в процессе его распределения — эти факторы играли ключевую роль в развитии системы официальных патронатиев. Официальная защита, покровительство могли использоваться в IV в. не только в выплатах поземельного налога, но при обложении хрисаргиром или таможенными пошлинами (Cod. Theod. XI.4.1–2).

Законы сохранили размеры платежей, которые могли получать официальные патроны за предоставленную защиту. Так, конституция 370 г. говорит о том, что они получали половину от причитающейся с владения суммы налогового платежа в 5,25 фунтов золота. Официальным покровительством занимались сенаторы, крупные сановники, куриалы и даже ближайшие родственники императоров. К примеру, защиту от хрисаргира предоставляла даже влиятельная родная сестра императора Феодосия II августа Пульхерия (Cod. Theod. XIII. 1. 21). Власть долгое время пыталась бороться с патронатием при помощи штрафов и конфискации, но доказать сознательное нарушение законов в этом случае было очень сложно. Поэтому система официального патроната была достаточно живучей вплоть до отмены основных специальных налогов, таких как *collatio glebalis*, *augum coronarum* и ликвидации системы льгот, предоставляемых разным социальным группам. Не случайно из официальных источников исчезают упоминания о патронатиех после середины V в. По большому счету, систему официального патроната подточила именно унификация налоговой системы. Конечно, это не означало полную победу центральной власти над системой патронатиев, как это утверждали А. Джонсон и Л. Вест, но византийское правительство относилось к ней уже не так болезненно [52].

Что же касается неофициальной системы патроната или коррупции, то случаи такого «покровительства» можно обнаружить на протяжении всей истории Византии. Представители гражданской и военной администрации, используя свои полномочия, могли значительно облегчить или усложнить жизнь византийского налогоплательщика. В источниках есть многочисленные подтверждения того, что добровольно или вынужденно, но византийцы часто обращались к подобным защитникам, которые иногда были гораздо влиятельнее официальных покровителей (Cod. Theod. XIII. 10. 1; 20, XLII).

В целом можно сделать вывод, что налоговая система Византии имела множество слабых мест, которые позволяли налогоплательщикам несколько облегчить или

оптимизировать свои налоги. Всевозможные жалобы, петиции, предоставляемые льготы и прощения недоимок, а также система патроната позволяли византийцам облегчить тяготы налогового пресса и послужили своего рода клапаном, который выпускал «пар» социального напряжения. Вероятно, поэтому, несмотря на несомненное присутствие в массовых выступлениях византийцев «налогового фактора», нельзя говорить о его преобладании. Оптимизация налогового бремени для ромея была более приемлемым вариантом, чем противодействие ему.

Ключевые слова: Византия, налоги, оптимизация налогов, налоговые восстания, патронат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *David F. Burg* A World History of Tax Rebellions. — N. Y., 2004.
2. *Литаврин Г. Г.* Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. // ВВ. — 1972. — Т. 33.
3. *Липшиц Е. Э.* Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. // ВДИ. — 1939. — № 1.
4. *Каждан А. П.* «Великое восстание» Василия Медной Руки // ВВ. — 1951. — Т. 4 (29).
5. *Ioannis Malalae* Chronographia. / ex ges. L. Dindorfii. — Bonnae, 1831.
6. *Козлов А. С.* Политическая оппозиция Византии на рубеже V—VI вв. // АДСВ. — 1998. — Вып. 29.
7. *Проконий Кесарийский.* Война с персами. / Пер. А. А. Чекаловой. — СПб., 2001.
8. *Чекалова А. А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. — СПб., 1997.
9. *Chronicon Paschale.* — Bonnae: E. Weber, 1832.
10. *Феофилакт Симокатта.* История: Пер. С. П. Кондратьева. — М., 1996.
11. *Михаил Пселл.* Хронография. Краткая история. — М., 1978.
12. *Литаврин Г. Г.* Восстание в Константинополе в апреле 1024 г. // ВВ. — 1972. — Т. 33.
13. *Аммиан Марцеллин.* Римская история. — СПб., 2000.
14. *Karayannopoulos J.* Das Finanzwesen des Frühbyzantinischen Staates. — München, 1958.
15. *Серов В. В.* Чрезвычайный бюджет Византии в VI веке (опыт историко-политико-экономического исследования). — Барнаул, 2010.
16. *Серов В. В.* «Теория налогов» в Римской империи (I — первая половина III в.) // Идеология и политика в античной и средневековой истории. — Барнаул, 1995.
17. *Серов В. В.* Теория налогов в Ранней Византии // Византийское государство в IV—XV вв.: тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов. — Барнаул, 1998.
18. *Феодорит.* Церковная история. — СПб., 1852.
19. *Zosimus* / Ree. Im. Bekkerus. — Bonnae, 1837.
20. *Либаний.* Речи. — Казань. 1914. — Т. 1–2.
21. *Курбатов Г. А.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). — Львов, 1962.
22. *Codex theodosianus* / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer. — Berolini, 1905.
23. *Сиротенко В. Т.* Народные движения в Северной Африке и королевство вандалов и аланов. — Днепропетровск, 1990.
24. *Проконий Кесарийский.* Война с вандалами / Пер. А. А. Чекаловой. — СПб, 2001.
25. *Кекавмен.* Советы и рассказы. — СПб., 2003.
26. *Литаврин Г. Г.* Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. // ВВ. 1956. — Т. 11.
27. *Себеос.* История. — Ереван, 1939.
28. *Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк / Пер. Ш. В. Смбатяна. — Ереван, 1984.

29. *Codex iustinianus / Corpus Iuris Civilis*. — Berolini, 1877. — Vol. 2.
30. *Sinesii Episcopi Cyrenes. Epistalae / PG*. — 1864. — Vol. 66.
31. *Кирилл Скифопольский*. Житие святого Иоанна и молчальника лавры преп. Саввы: Пер. Т. В. Поповой // Памятники византийской литературы IV—IX веков. Сборник переводов. — М., 1968.
32. *Левченко М. В.* Пентаполь по письмам Синезия // ВВ. — 1956. — Т. 9.
33. *Помяловский И. В.* Житие св. Саввы Освященного. — СПб., 1890.
34. *Прокопий Кесарийский*. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. — СПб., 2001.
35. *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. — Basel, 1972. — Vol. 1.
36. *Laurent V.* Le corpus des sceaux de l'empire byzatin. — P., 1981. — V. 1.
37. *Seibt W., Zarnitz M. L.* Das Byzantinsiche Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung. — Wien, 1997.
38. *Epistolae Nicolai patriarhae // PG*. — 1863. — V. 111.
39. *Michaelis Psell // PG*. — 1894. — V. 122.
40. *Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana collecta / ed. F. Miklosich et I. Müller*. — Vindobonae, 1869. — V. 5.
41. *Nicetae Choniata Opera Omnia // PG*. 1887. — V. 140.
42. *Бржеский Н.* Недоимочность и круговая порука сельских обществ. — СПб, 1897.
43. *Lenski N.* Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century. — Berkeley, 2002.
44. *Novellae /Corpus juris civilis*. — Berolini, 1904. — Vol. 3.
45. *Coripp. Grammatica*. — Berolini, 1879.
46. *Кулаковский Ю. А.* История Византии. — СПб., 2003. — Т. 2.
47. *Thibault F.* Les Impots Directs Sous Le Bas-Empire Romain. — P., 1900.
48. *Бардола К. Ю.* Налогообложение городского населения Византии IV—V вв. Христаргир // Древности, 2006–2008: Харьковский историко-археологический ежегодник. — X., 2008.
49. *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. — М., 1998.
50. *Фихман И. Ф.* К развитию патроциниев в византийском Египте // ВВ. — 1969. — Т. 29.
51. *Коптев А. В.* От прав гражданства к праву колоната в Поздней Римской империи. Вологда, 1995.
52. *Johnson A. C. West L. C.* Byzantine Egypt: Economic Studies. — Princeton, 1949.
53. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire 284–602. — Oxford, 1964.
54. *Панченко Б. А.* О «Тайной истории» Прокопия // ВВ. — СПб., 1896. — Т. 3.
55. *Византийский Земледельческий закон*. — Л., 1984.
56. *Податной устав*. Пер. Е. Э. Липшиц // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. — М., 1951.
57. *Летопись Византийца Феофана*. — Рязань, 2005.
58. *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992.
59. *Каждан А. П.* К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. // ВВ. — 1956. — Т. 10.
60. *MacMullen R.* Social mobility in the Theodosian code // JRS. — 1964. — Vol. 54.
61. *Haldon J.* A Social History of Byzantium. — Wiley-Blackwell (Oxford), 2009.
62. *Джонс А. Х. М.* Гибель античного мира. — Ростов-на-Дону, 1997.
63. *Zuckerman C.* Du village a l'empire: autour du registre fiscal d'Aphrodito (525/526). — P., 2004.
64. *Sarris P.* The origins of the manorial economy: new insights from late antiquity // EHR. — 2004. — V. 119.
65. *Sirks B.* The farmer, the landlord, and the law in the fifth century/ Law, Society, and Authority in Late Antiquity. — Oxford, 2001.

66. Лебедева Г. Е. Еще раз о ранневизантийском колонате // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. — Л., 1987.
67. Литвиц Э. Е. К истории закрепощения византийского крестьянства в VI в. (Эволюция законодательства о колонате в 505—582 гг.) // Византийские очерки. — М., 1971. — Вып. 2.
68. Ранович А. Б. Колонат в римском законодательстве II—V вв. // ВДИ. — 1951. — № 1.
69. Успенский Ф. И. История Византийской империи. — М., 1999.

Резюме

Бардола К. Ю. *Оптимізація або протидія? Деякі особливості відносин між владою і візантійськими платниками податків у IV—XI ст.*

У даній статті досліджуються складні взаємини між візантійськими платниками податків та центральної податкової владою, причому особлива увага приділяється можливостям рядових візантійців полегшити податковий гніт. У результаті аналізу відомостей джерел були зроблені висновки про те, що візантійці мали різноманітні законні та незаконні можливості для полегшення податкового тягаря і активно їх використовували протягом усього періоду IV—XI ст. Це безумовно посприяло невеликій кількості повстань, викликаних безпосередньо тяготами податкового гніту протягом візантійської історії. Тиск податків був незмінним, але далеко не головним подразником в вузлі політичних, релігійних, етнічних та соціальних протиріч, яким була Візантійська імперія. Податкова система Візантії мала свої «дірки» і «ями», якими візантійці успішно користувалися, що в цілому сприяло податковій стабільності, а також в якійсь мірі зростанню продуктивності праці.

Ключові слова: Візантія, податки, оптимізація податків, податкові повстання, патронат.

Summary

K. Bardola. *Optimization or Opposition? About Some Features of the Relations Between the Government And the Taxpayers in the Byzantine IV—XI Centuries*

In this paper was examined the complex relationship between taxpayers and the Byzantine central fiscal authority. Particular attention was paid to the possibility of ordinary Byzantines to facilitate the pressure of taxation. After analysis of the data sources it was concluded that the Byzantines had various legal and illegal opportunities to reduce the tax burden and actively used for IV—XI centuries. It contributed for a dribble of revolts directly caused by the hardships of the tax burden for Byzantine history. Tax-paying pressure was constant, but was not not a principal factor for provocation in the knot of political, religious, ethnic and social contradictions in the Byzantine Empire. There were “shelters” and “oases” in Byzantine tax system, which was successfully used by Byzantines, that as a whole contributed to the tax stability, and to some extent, the growth of labor productivity.

Key words: Byzantium, taxes, tax optimization, tax revolt, patronage.

